

**Старый новый «Достоевский» перед лицом XXI века
(О книге Л.И. Сараскиной «Достоевский» в серии «ЖЗЛ»)**

(Доклад на 27-х Международных Старорусских чтениях «Достоевский и современность»)
26 мая 2012

Пожалуй, вечный вопрос достоевистов последней четверти века: «Что же еще нового можно сказать о русском гении?» Вопрос этот в частном плане (узко исследовательском) нелеп и в тоже время вполне закономерен в масштабе большой книги, предназначенной еще раз охватить жизнь и деятельность Федора Михайловича. Очевидно, что новые темы всегда есть и будут, но можно ли саму жизнь гения, известную до мельчайших подробностей, подать еще раз, явить читателю-современнику по-новому. Оказывается можно, и свидетельством тому новая книга в устоявшемся старом жанре «ЖЗЛ». Именно такой смысл мы вкладываем в оксюморонное название доклада: старый новый «Достоевский». Одним словом, о старом (жанре и авторе) по-новому.

Многолетнее соприкосновение исследователя с творчеством того или иного писателя обязательно формирует в нем собственное прочтение как этого творчества, так и самой жизни писателя, не говоря уже об эмоциональном фоне, который такое прочтение окрашивает. Поэтому вполне оправданным выглядит такое название у Цветаевой — «Мой Пушкин».

Когда мы читаем книги в серии ЖЗЛ, то правомерно добавлять к имени каждого героя в настоящей серии это притяжательное местоимение.

Решившись на подвиг (иначе это не назовешь) написания биографии Достоевского в серии «ЖЗЛ», Людмила Ивановна обрекла себя на сравнение с уже изданными в ней трудами. Таких трудов было три: это книга Евгения Андреевича Соловьева (4 издания, последнее 1922 г., вне нумерации, Павленковский список), Леонида Петровича Гроссмана (2 издания, последнее 1965 г.), Юрия Ивановича Селезнева (5 изданий, последнее в 2007 г., тиражом свыше 400 000 экземпляров).

Содержание абсолютного большинства известной серии отвечает трем главным принципам, провозглашенным редакцией еще в 50-е годы, — научная достоверность, высокий литературный уровень и занимательность.

Но надо сказать, что ни по одному из этих трех принципов капитальный труд Людмилы Ивановны не уступает, а в некоторых (имею в виду как первый, так и второй) даже превосходит.

Скупые оценки тех или иных личностей у Гроссмана создали на десятилетия ряд мифов: о жестоком и безнравственном отце писателя, об экстравагантной любовнице Сусловой и ряд других, которых мы коснемся в нашем анализе.

Монументальная патетика Юрия Ивановича Селезнева уводит нас в другую крайность, где приходится извлекать факты из-под наслоений пристрастного взгляда.

Впрочем, в беспристрастности книгу Людмилы Ивановны тоже не упрекнешь, и это отнюдь не недостаток.

Если попытаться выстроить ряд эпитетов, которые можно приложить к данному конкретному труду, то это будет выглядеть так: последовательный, подробный (мы бы даже сказали: всеохватный и энциклопедичный) и в то же время цельный, научный и достоверный (при этом одно не уступает другому), а также занимательный (немаловажное качество) и живой, изысканный текст.

Прежде чем мы перейдем к отдельным частностям этой работы, стоит сказать о том методе, подходе, который для себя предпочел настоящий автор. В Предисловии к книге читаем:

«Гипотеза Булгакова о *внутреннем оке*, о сугубо личном характере общения с Достоевским, зовет каждого, кто однажды заметил Достоевского, прикоснуться к этой огненной стихии. Воспользуюсь этим зовом и я — биография Достоевского по-прежнему актуальна и как научная проблема, и как художественное задание, и как историческое исследование»¹.

И еще одна важная ремарка из «Предисловия». Людмила Ивановна упоминает одного из исследователей творчества Достоевского: выдающегося русского филолога, Альфреда Людвиговича (Алексея Федоровича) Бема (1886-1945), который с 1919 года работал уже в Европе, преподавая в Праге русский язык и литературу. Он, как пишет наша глубокоуважаемая исследовательница, «придерживался совсем иного подхода к биографии писателя. Личность этого гения, полагал ученый, можно постичь только через его произведения, в которых течет глубинный ток жизни». Вот что он пишет: «Перед биографом Достоевского становится трудная задача, которая по силам лишь человеку с большой психологической интуицией, — воссоздать духовный облик Достоевского на основании отражения его индивидуальности в объективных данных его творчества. *Не объяснение творчества через познание жизни, а воссоздание жизни через раскрытие творчества — вот путь к познанию тайны личности Достоевского*»². Последнее предложение выделено авторским курсивом.

Здесь мы видим еще один метод: использование литературоведческого потенциала, знание произведений Достоевского помогает Людмиле Ивановне обосновать многие свои биографические гипотезы произведениями Достоевского.

Уже с первой части (в книге 9 частей) мы входим в детальный разбор семейной проблематики, подробные изыскания в том, что касается генеалогии и родословий, которым сам Федор Михайлович уделял не много внимания. Не отказываясь от опыта предшественников, автор в то же время корректирует некоторые поверхностные замечания в отношении тех или иных членов семьи или даже рода. Так, дана обоснованная оценка точки зрения Любови Федоровны Достоевской о европейском (норманно-литовском) происхождении ее отца, хотя понятно, что и сегодня исследование родословной главного героя книги гипотетично, гадательно, а то и фантастично. Произведения Федора Михайловича, привлеченные в

¹ Сараскина Л.И. Достоевский. М.: Молодая гвардия, 2012. С. 18, 19.

² Там же. С. 14, 15.

качестве рабочего материала в этом вопросе, представляют, трудами Л.И. Сараскиной, интересные факты. Персонажи гения русской классики родством своим не интересуются или не придают ему значения. (Тем более, важна ремарка со ссылкой на внеисторические источники, а именно на Писание (укажу только одну цитату): Павел советует Тимофею «увещевать некоторых, чтобы они не учили иному и не занимались баснями и родословиями бесконечными, которые производят больше споры, нежели Божие назидание в вере» (1 Тим 1: 3, 4).) В зоне генеалогической пустоты «свиристует зловещая убыль населения», и Людмила Ивановна ведет подробный подсчет умирающих и гибнущих героев произведений Достоевского. «Преступление и наказание» — 21 смерть... «Идиот» — 31 смерть... «Братья Карамазовы» — 43 смерти³.

Мы привели этот пример для того, чтобы показать, каким именно образом наш автор добивается эффекта глубокой укорененности в описываемом им предмете.

Биография Михаила Андреевича Достоевского, отца писателя, восстанавливается с особой тщательностью. Привлекается множество бесценных свидетельств и документов, а также на страницах книги ведется спор с теми, кто высказывался ранее довольно категорично об этом человеке. Наивное литературоведение может разглядеть в Федоре Павловиче Карамазове черты родного отца писателя, но новая книга о Достоевском исключает всякую возможность такого соотнесения.

Приведу пример из книги: «Послужной список Достоевского-старшего, его успешное восхождение по лестнице чинов, его в точном смысле слова *заслуженное* дворянство никак не соответствует той репутации, которую ему создали его поздние биографы. Как могла служба лекаря-ординатора из казенного места, руководимого строгими немцами, совмещаться с «тяжелой формой алкоголизма», приписанной ему 130 лет спустя? Кто из городских пациентов-купцов, которых он лечил и наблюдал годами, пустил бы к себе доктора с подобным недугом? Кто из начальства рискнул бы называть его службу беспорочной и представлять к чином и наградам? Рисуя Михаила Андреевича человеком неуживчивым, раздражительным, угрюмым и нетерпимо требовательным ко всем окружающим, с ужасными вспышками гнева и при этом крайне скупым, биограф не посчитался ни с отзывами об отце сына Федора («лучшие, передовые люди»), ни с мнением внучки Любви Федоровны — что дед Михаил, при всей своей бережливости, когда дело шло о воспитании сыновей, не скупился»⁴.

Еще один показательный пример связан с описанием единственного сохранившегося изображения отца писателя, фотографической копии с

³ Там же. С. 32, 33.

⁴ Там же. С. 66, 67. Ср. с пассажем из Гроссмана: «Но этой гуманной профессии [врача] мало соответствовал характер Михаила Андреевича, неуживчивый и ожесточенный жизненной борьбой. Это был, по свидетельству близких, человек чрезвычайно раздражительный, крайне вспыльчивый и заносчивый. Он представлял собой тип упорного и неутомимого работника, угрюмо исполняющего свой жизненный долг, нетерпимо требовательного ко всем окружающим. Вспышки его гнева были ужасны. При всем этом он отличался крайней скупостью и страдал тяжелой формой алкоголизма» (с. 9).

пастельного портрета 1823 года: «...темноволосый мужчина с аккуратно подбритыми бакенбардами по тогдашней моде, в гражданском мундире с высоким, расшитым и плотно застегнутым воротом, полный сил, в своей лучшей мужской поре, любящий и любимый (портреты обращены друг к другу), молодой отец, в лице которого еще много юношеского, даже мальчишеского, но уже пролегли две глубокие вертикальные складки меж густых бровей над темными распахнутыми глазами — этот мужчина будет обвинен в холодности взора, недружелюбной замкнутости и мефистофельском очертании бровей, и даже его четко очерченные округлые губы получат репутацию тонких и сжатых»⁵. Заметьте, как тонко автор биографии здесь дезавуирует субъективизм и категоричность прежнего высказывания.

Примеры можно множить и множить: и то, как отец выделяет не совсем уж необходимые средства для своего сына Федора в инженерное училище из своих весьма скудных средств, и то, как непросто обстоит дело со смертью отца, которую легко можно было объявить насильственной и окрасить в социальные тона, что де восставшие крестьяне убили ненавистного жестокого помещика, что после 1925 года считалось даже доблестью. Но нет нужды.

Пожалуй, теперь мы перейдем к Аполлинарии Прокофьевне Суловой. Эта страница в жизни гения входит в число обязательных у биографов, но только у Людмилы Ивановны эта «повестушка» обрела подлинно «живую жизнь». Это полнокровный нарратив с сюжетной составляющей. Развернув полотно общественной жизни, жизнеописатель вводит новую фигуру, которая сыграет важную роль в жизни и творчестве Достоевского. А затем следует почти «карикатурный портрет»⁶ Полины, как называл ее Федор Михайлович, сохранившийся в воспоминаниях Любви Федоровны: «Каждую осень она записывалась студенткой в университет, но никогда не занималась и не сдавала экзамены. Однако она ходила на лекции, флиртовала со студентами, ходила к ним домой, мешая им работать, подстрекала их к выступлениям, заставляла подписывать протесты, принимала участие во всех политических манифестациях, шагала во главе студентов, неся красное знамя, пела Марсельезу, ругала казаков и вела себя вызывающе, была лошадей полицейских, полицейские, в свою очередь, избивали ее, проводила ночь в арестантской, а когда возвращалась в университет, студенты с триумфом несли ее на руках как жертву „ненавистного царизма“...» (очень кинематографично выглядит и именно так вопиюще представил ее в своем фильме Хотиненко).

Это описание корректируется Людмилой Ивановной на протяжении следующих 33 страниц (объем немалый даже для столь большой книги, заметим, что у Гроссмана ей уделено 17 страниц, а у Селезнева 15). При этом

⁵ Там же. С. 59. Гроссман: «Сохранившийся портрет Михаила Андреевича изображает довольно правильное холодное лицо с тонкими сжатыми губами и строгим взглядом под мефистофельски очерченными бровями. Высокий, шитый золотом воротник гражданского мундира, крепко застегнутый и плотно облегающий шею, завершает впечатление холодной и недружелюбной замкнутости» (с. 9).

⁶ Сараскина Л.И. Достоевский. С. 361.

интересно, что мы становимся свидетелями самораскрытия характера «инфернальницы»: «не женщина, а упрямый черт; с ней нельзя не ссориться; но трудно с ней расстаться тому, кто ее любит» (из повести Сусловой). Важный штрих содержится и в воспоминании Елены Андреевны Штакеншнейдер: «...открывшая целый хаос в себе, слишком занята этим хаосом, она наблюдает за ним, за собой; за другими наблюдать она не может, не умеет. Она — Чацкий, не имеющий соображения»⁷.

Верно описал ее характер Достоевский, оправдываясь позднее перед ее младшей сестрой, Надеждой: «Аполлинария — больная эгоистка. Эгоизм и самолюбие в ней колоссальны. Она требует от людей *всего*, всех совершенств, не прощает ни единого несовершенства в уважение других хороших черт, сама же избавляет себя от самых малейших обязанностей к людям... она вечно будет несчастна... Она не допускает равенства в отношениях наших... Зачем же она меня мучает? Не люби, но и не мучай...»⁸

Мелодраматичный, даже водевильный сюжет с испанцем Сальвадором в Париже представлен через дневниковые записи, тщательно и с любовью проанализированные Людмилой Ивановной. Здесь есть всё: «и жизнь, и слезы, и любовь». И Достоевский рядом, обещающий быть «другом и братом» при любимой женщине...

Еще одна задача, которая возникает перед автором биографии, когда он глубоко в теме, ввести читателя не только в жизнеописание, но и в круг литературоведческих проблем, связанных с отдельными произведениями писателя.

Именно в этом разделе отдельные суждения автора «Достоевского» не могут не вызывать вопросов. В частности, упомянем идею о несостоятельности главного героя романа «Братьев Карамазовы» Алеши. Цитирую: «... тезис о „раннем человеколюбце“, имеющем „дар возбуждать к себе особенную любовь“, в дальнейшем убедительно опровергнут»⁹. Мы бы не рискнули сделать такой однозначный вывод. Скорее, ответили бы уклончиво: и да, и нет. Естественно, возникает вопрос: кем опровергнут? Достоевским или самим исследователем? Нам хочется верить, что не Достоевским. Алеша — «мой герой», подчеркивает писатель, и «носит в себе иной раз сердцевину целого» (14, 5)¹⁰. Да, может случиться такое, что «примечательность моего Алексея Федоровича» не заметят... С прискорбием это предвижу и «решительно сомневаюсь, успею ли это доказать читателю». Тем не менее, оговаривается писатель: «Может быть, увидите сами из романа» (14, 5). Эти «нелюбопытные и смутные объяснения» не только успокаивают читателя, но и озадачивают: доказал ли?

Пожалуй, здесь не о доказательствах должна идти речь, потому что если говорить о доказательствах, то они есть и с той, и с другой стороны. Есть ли смысл доказывать, что Алеша в системе образов романа сердцевина целого?

⁷ Там же. С. 363.

⁸ Там же. С. 372, 373.

⁹ Там же. С. 725.

¹⁰ Здесь и далее все цитаты из произведений Ф.М. Достоевского приведены по 30-томному Полному собранию сочинений (Л.: Наука, 1972-1990), с указанием в скобках арабскими цифрами тома.

Нам кажется, нет, поскольку удельный вес романских свидетельств весьма значителен. В общей форме укажем, что Алеша включается в события уже в одной из первых сцен романа, когда его поразило предчувствие неизбежной беды. Более того, нет героя, который не признавался бы в том, насколько важен для него в его судьбе Алеша. Для одного он «ангел» на земле, для другого — «заступник», для третьего — «судья», для четвертого — «спаситель». В криках отчаяния, признаниях, исповедях его братьев, друзей, знакомых слышится надрывная потребность в помощи, совете, поддержке. И эту опору они видят в Алеше, в его любви монаха, любви самоотверженной, отдающей себя до конца. «Любить пассивно он не мог, характер любви его был всегда деятельный; возлюбив, он тотчас принимался и помогать» (14, 170).

Но есть и другие доказательства, и они обозначены принципиально Людмилой Ивановной, и логика ее аргументов кажется неоспоримой. Например: «... В тот самый час, когда Алеша целовал землю во дворе скита, близ клумбы со спящими осенними цветами, трава в саду и пол в комнате отцова дома обагрились кровью двух стариков, и уже никакие подвиги в будущем не смогут ее смыть. Он целовал землю, обливаясь слезами, хотел всех простить и за всё просить прощения, он пал слабым юношей, а стал твердым на всю жизнь бойцом, но времени и поприща для борьбы у него не осталось»¹¹.

Формальная логика безоговорочно убеждает. Пусть не прямо, косвенно, но Алеша-таки причастен к пролитию крови. Значит ли это, что он несостоятелен и безоговорочно виновен? Нам представляется, нет. Да, Алеша сердцевина целого, но он не великий герой, именно это и подчеркивает Достоевский в Предисловии к роману. Самый совершенный человек на земле обречен совершать ошибки и даже преступления. Такова греховная природа всякого живого существа. Алеша из таких, к тому же плоть от плоти царства Карамазовых, их неумной, непредсказуемой природы. И надо сказать, что здесь Достоевский не изменил реализму в высшем смысле, всецело солидаризируясь с библейской антропологией, точнее, хамартологией (учением о грехе). И это, пожалуй, главное.

После трагедии грехопадения, описанной в Книге Бытие, в мир вошел грех, то есть «проклятые вопросы бытия» обрушились на человечество как язвы конечного Суда. И никто из смертных не остался в стороне от этой беды и порчи, даже если тот или иной человек верует и спасается в монастыре. Более того, не всегда во власти человека спасение другого, отец ли это или брат. Метафизика преступления столь же загадочна и непостижима, как и метафизика добра. И никакая теодицея или антитеодицея ничего здесь прояснить не могут. Разумеется, вина за смерть отца лежит и на Алеше, но и он не в ответе за роковую провиденциальность, если все-таки не совсем отбросить логицизм рационалистической теодицеи, которая неизбежна и, как нам кажется, угадывается в подтексте и телеологии романа. Вольно или невольно этот вопрос адресуется и к Богу (sic!), который всеведущ, всемогущ

¹¹ Там же. С. 731.

и который мог постучать в сердце Алеши в ночь целования земли и в момент убийства Смердяковым отца. Наглухо закрыт был Алеша или Всевышний не счел нужным достучаться, но этого не произошло, и «каприз» провиденции, говоря совсем по-человечески, выказал себя самым непостижимым образом. Между тем мы знаем, что ни о каких капризах здесь речь не идет: «тут дьявол с Богом борется, а поле битвы сердца людей» (14, 100) — великая Достоевская истина (безусловно, и Священного Писания), без которой нельзя понять адекватно судьбу Алеши и его роль в системе образов итогового романа. Соответственно, как бы Алеша не радел о добре, не все ему по силам и не в его воле судьбы людей, даже близких, даже родных.

Значимость и ценность книги Людмилы Ивановны в том, что чрезвычайно сложные экзистенциальные вопросы и проблемы остро поставлены, и вольно или невольно заставляют читателя думать не только и не столько о Достоевском и его героях, сколько о себе и своей собственной жизни.

И еще: было бы недостаточно только констатировать, что книга академична и научно достоверна. Важно, что книга вышла живой, не занудной, не схоластической, читающейся, так сказать, на одном дыхании. Более того, не будет преувеличением сказать (позволим себе обращение к самому автору), Людмила Ивановна, что это ваш Достоевский, настолько вы его себе уродили и настолько русский писатель стал вами. Вы действительно вросли, вжились в Достоевского, и вы, право, уже не вы: всё ваше мирочувствие, мировидение уже стало достоевским, и наоборот: живя собой (вынашивая его и свои «проклятые вопросы») и «внутри себя», если воспользоваться вашей формулой, невольно стали больше себя, поскольку выбрали не только опыты русского гения, но и личный, собственный опыт и взгляд на вещи, и это ощущение есть в вашей книге.

На наш взгляд, появление вашей книги провиденциально. Создатель готовил вас к этой большой работе, а вы этого, возможно, и не знали. Право, «время и случай» (Еккл 9:11), но отнюдь не в логике колеблющегося фатализма Экклезиаста, а именно промыслительно. Сегодня, оглядываясь назад (держа в руках увесистый том), и вы, наверное, понимаете, что «указующий перст» Божий здесь был НЕУМОЛИМ и НЕОДОЛИМ.

Нам представляется, что ваш «Достоевский» — это книга XXI века. Понимаем, звучит экспрессивно, но это так, если трезво подумать, ответственно поразмыслить. Разумеется, Гроссман — значим, и Селезнев замечателен (где-то превосходит), но в нашу эпоху нужен совсем другой Достоевский, и он, как нам кажется, появился, не мог не появиться, поскольку вы, прежде всего, думали о ЧИТАТЕЛЕ, современнике, но — что важно! — отнюдь не в ущерб академизму. Кстати, и дума-то ваша о читателе была разновекторна. С одной стороны вы, вероятно, хотели, чтобы книга была динамичной, сюжетной, с другой — вы постоянно сокращали объемы разрастающегося труда, чтобы этакий кирпич не придавил, не пришиб читателя. Ну кто нынче читает толстые книги? Но эту книгу уже читают и будут читать, и отнюдь не только специалисты.

В.С. Ляху, И.В. Лобанов
Заокский - Старая Русса, май 2012